

Л. Троцкий. **ЦЕНТРИЗМ И IV ИНТЕРНАЦИОНАЛ**

Дорогой товарищ Герен!

Я получил ваше письмо одновременно с официальным письмом Марсо Пивера. Очень вам благодарен за изложение вашей индивидуальной точки зрения, хотя я, к сожалению, - как вы, впрочем, и предвидели, - не могу к ней присоединиться.

ЕСТЬ ЛИ "СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ"?

Вы считаете, в отличие от Пивера, что между нами нет "серьезных разногласий". Я вполне допускаю, что внутри вашей партии имеются различные оттенки и, что некоторые из них очень близки ко взглядам IV Интернационала. Но та тенденция, которая господствует, видимо, в руководстве, и которую выражает Пивер, отделена от нас чуть ли не пропастью. Я в этом убедился именно из последнего письма Пивера.

Для определения политической физиономии организации решающее значение имеет интернациональное продолжение ее национальной политики. С этого и начну. В своем письме к Пиверу я выразил удивление по поводу того, что ваша партия может теперь, после опыта последних лет, находиться в политической связи с британской Независимой Рабочей Партией (I.L.P.), с П.О.У.М.ом и другими подобными организациями - против нас, - и это несмотря на совсем свежий урок: ведь вчера только Марсо Пивер находился в политической связи с Вальхером - против нас. Ваша партия есть новая партия. Она не сложилась еще, она не имеет еще (в известном смысле, к счастью!) окончательной физиономии. Но I.L.P. существует десятки лет, ее эволюция прошла на наших глазах, все было в свое время установлено, прослежено, в значительной мере предсказано. П.О.У.М. прошел через грандиозную революцию и обнаружил себя в ней полностью и целиком. В этих двух случаях мы рассуждаем не о будущих возможностях только еще формирующейся партии, а о проверенных опытом старых организациях.

I.L.P.

Насчет I.L.P. не стоит терять много слов. Напомню только один свежий факт. Вождь этой партии Мэкстон благодарил в парламенте Чемберлена после мюнхенского соглашения и объяснял изумленному человечеству, что своей политикой Чемберлен спас мир, - да, да, спас мир! - он, Мэкстон, хорошо знает Чемберлена, и ручается, что Чемберлен искренно боялся войны и искренно спасал мир и пр., и пр. Один этот пример дает исчерпывающую и притом уничтожающую характеристику Мэкстона и его партии. Революционный пролетарий отвергает в такой же степени "мир" Чемберлена, как и его войну. "Мир" Чемберлена означает продолжение насилий над Индией и другими колониями и подготовку войны в более благоприятных для британских рабовладельцев условиях. Брать на себя малейшую тень ответственности за "мирную" политику Чемберлена может не социалист, не революционер, а только пацифистский лакей империализма. Партия, которая терпит такого вождя, как Мэкстон, и такие действия, как его публичная солидаризация с рабовладельцем Чемберленом, не есть социалистическая партия, а жалкая пацифистская клика.

П.О.У.М.

Как обстоит дело с П.О.У.М.ом? По словам Пивера, вся ваша партия "единогласно" готова защищать П.О.У.М. от нашей критики. Оставляю вопрос об "единогласии" в стороне: члены вашей организации вряд ли знают близко историю испанской революции, историю борьбы разных направлений в ней, в частности, ту критическую работу, которую проделали

представители IV Интернационала по вопросам испанской революции. Но ясно во всяком случае, что руководство вашей партии совершенно не поняло роковых ошибок П.О.У.М.а, вытекавших из его центристского, не-революционного, не-марксистского характера.

С начала испанской революции я находился в теснейшей связи с рядом работников, в частности, с Андреем Нином. Мы обменялись сотнями писем. Лишь в результате опыта многих и многих месяцев я пришел к выводу, что честный и преданный делу Нин - не марксист, а центрист, в лучшем случае - испанский Мартов, т.е. левый меньшевик. Пивер не различает между политикой меньшевизма и политикой большевизма в революции.

Вожди П.О.У.М.а ни на один день не претендовали на самостоятельную роль; они стремились оставаться на роли добрых друзей "слева" и советников вождей массовых организаций*1. Эта политика, вытекавшая из отсутствия доверия к самим себе и своим идеям, обрекала П.О.У.М. на двойственность, на фальшивый тон, на постоянные колебания, находившиеся в резком противоречии с размахом классовой борьбы. Мобилизацию авангарда против реакции и ее подлейших лакеев, включая и анархо-бюрократов, вожди П.О.У.М.а подменяли квази-революционными наставлениями по адресу предательских вождей, оправдывая себя тем, что "массы" не поймут другой более решительной политики. Левый центризм, особенно в революционных условиях, готов на словах принять программу социалистической революции и не скупится на широковещательные фразы. Но роковая болезнь центризма в том, что из этих общих концепций он не способен сделать мужественные тактические и организационные выводы. Они всегда кажутся ему "преждевременными": "нужно подготовить общественное мнение масс" (путем собственной половинчатости, фальши, дипломатии и пр.); к тому же он боится оборвать привычные дружественные отношения с друзьями справа, он "уважает" индивидуальные мнения, поэтому он наносит удары... налево, стремясь поднять этим свой престиж в глазах солидного общественного мнения.

/*1 Подобно тому, как Марсо Пивер долго, слишком долго стремился оставаться левым другом и советником Блюма и Ко. Я боюсь, что и сейчас Марсо Пивер и ближайшие его единомышленники не поняли, что Блюм представляет собою не идейного противника, а отъявленного и насквозь бесчестного классового врага.

Такова же политическая психология и Марсо Пивера. Он совершенно не понимает, что беспощадная постановка основных вопросов и суровая полемика против шатаний являются лишь необходимым идеологическим и педагогическим отражением непримиримого, ожесточенного характера классовой борьбы в нашу эпоху. Ему кажется, что здесь дело в "сектантстве", в неуважении к чужой личности и пр., т.е. он остается целиком в плоскости мелкобуржуазного морализирования. Есть ли это "серьезные разногласия"? Да, более серьезных разногласий внутри рабочего движения я вообще себе представить не могу. С Блюмом и Ко у нас ведь не "разногласия": мы просто стоим по разные стороны баррикады.

ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЯ В ИСПАНИИ

Поражение испанского пролетариата Марсо Пивер объясняет, вслед за всеми оппортунистами и центристами, дурным поведением французского и британского империализма и бонапартистской клики Кремля. Это значит попросту, что победоносная революция вообще нигде и никогда невозможна. Более могущественного размаха движения, большей выдержки, большего героизма рабочих, чем мы наблюдали в Испании, нельзя ни ждать, ни требовать. Империалистские "демократы" и лакейская сволочь из Второго и Третьего Интернационалов будут всегда держать себя так, как они держали себя в отношении испанской революции. На что же надеяться? Преступником является тот, кто вместо анализа несостоятельной политики революционной или квази-революционной партии, ссылается на подлость буржуазии и ее лакеев. Именно против них то и нужна правильная политика!

Огромная ответственность за испанскую трагедию ложится на П.О.У.М. Я это говорю с тем большим правом, что в письмах своих к Андрею Нину я, начиная с 1931 года, предсказывал неизбежные последствия губительной политики централизма. Своими общими "левыми" формулами вожди П.О.У.М.а создавали иллюзию наличия в Испании революционной партии и мешали пробиться наружу подлинно пролетарским непримиримым тенденциям. В то же время своей политикой приспособления ко всем видам реформизма, они являлись лучшими помощниками анархистских, социалистических и коммунистических предателей. Личная честность и личный героизм многих рабочих П.О.У.М.а естественно вызывают симпатию к ним; против реакции и негодяев сталинизма мы готовы их защищать до конца. Но плох тот революционер, который под влиянием соображений сентиментального порядка, неспособен трезво взглянуть на существо данной партии. П.О.У.М. всегда искал линии наименьшего сопротивления, выжидал, уклонялся, играл в прятки с революцией. Он начал с того, что пытался окопаться в Каталонии, закрывая глаза на соотношение сил в Испании. В Каталонии руководящие позиции в рабочем классе занимали анархисты; П.О.У.М. начал с игнорирования сталинской опасности (несмотря на все предупреждения!) и с подлаживания к анархистской бюрократии. Чтоб не создавать себе лишних затруднений, вожди П.О.У.М.а закрывали глаза на то, что анархо-бюрократы ничем не лучше всех других реформистов, только прикрываются другой фразеологией. П.О.У.М. воздерживался от проникновения внутрь Конфедерации Труда, чтоб не портить отношений с верхушкой этой организации и чтоб сохранять за собой возможность оставаться в роли ее советника. Это есть позиция Мартова. Но Мартов, к чести его, умел избегать таких грубейших и постыднейших ошибок, как участие в каталонском правительстве! Ведь это значило из лагеря пролетариата открыто и торжественно перейти в лагерь буржуазии! Марсо Пивер смотрит на такие "мелочи" сквозь пальцы. Для рабочих, которые подходят к буржуазии, в условиях революции, со всей силой классово-ненависти, участие "революционного" вождя в буржуазном правительстве есть факт огромного значения: он дезориентирует и деморализует их. И этот факт не упал с неба. Он входил необходимым звеном в политику П.О.У.М.а. Вожди П.О.У.М.а красноречиво разговаривали о преимуществах социалистической революции над буржуазной; но они ничего серьезного не делали для подготовки социалистической революции, потому что подготовка могла состоять только в беспощадной, смелой, непримиримой мобилизации рабочих анархистов, социалистов и коммунистов против предательских вождей. Нужно было не бояться оторваться от этих вождей, превратиться на первый период в "секту", хотя бы и гонимую всеми, надо было давать ясные, отчетливые лозунги, предсказывать завтрашний день и, опираясь на события, компрометировать официальных вождей и сбрасывать их с постов. Большевики в течение 8 месяцев превратились из маленькой группы в решающую силу. Энергия и героизм испанского пролетариата дали П.О.У.М.у несколько лет на подготовку. П.О.У.М. имел время два и три раза вырасти из пеленок и возмужать. Если он не возмужал, то не по вине "демократических" империалистов и московских бонапартистов, а вследствие внутренней причины: его собственное руководство не знало, куда и каким путем идти.

Огромная историческая ответственность лежит на П.О.У.М.е. Если бы П.О.У.М. не следовал по пятам за анархистами и не брался с "Народным фронтом", если б он вел непримиримую революционную политику, то к моменту майского восстания 1937 года, а вероятнее всего, значительно раньше, он естественно оказался бы во главе масс и обеспечил бы победу. Но П.О.У.М. - не революционная, а центристская партия, подхваченная волной революции. Это не одно и то же. Марсо Пивер и сегодня не понимает этого, ибо он сам - центрист до костей.

ИГРА В ПРЯТКИ

Марсо Пиверу кажется, что он понял и усвоил уроки июня 1936 года. Нет, он не понял их, и свое непонимание он откровеннее всего проявляет на вопросе о П.О.У.М.е. Мартов прошел через революцию 1905 года и совершенно не усвоил ее уроков; он показал это в революции

1917 года. Андрей Нин десятки раз писал, - и вполне искренно, - что он "в принципе" согласен с нами, но не согласен в "тактике" и в "темпе", причем, увы, до самой своей гибели он не нашел возможным ни разу ясно и точно сказать, в чем именно он был согласен и в чем не согласен. Почему? Потому что он не сказал этого себе самому.

Марсо Пивер говорит в своем письме, что он расходится с нами лишь в оценке "темпа", причем сам ссылается на аналогичное разногласие 1935 года. Но ведь через несколько месяцев после того, в июне 1936 года, развернулись грандиозные события, которые раскрыли ошибку Пивера полностью, также и в вопросе темпа. Пивер оказался застигнут этими событиями врасплох, ибо он все еще продолжал оставаться "левым" другом при Леоне Блюме, т.-е. при худшем агенте классового врага. Темп событий не приспособляется к темпу центристской нерешительности. С другой стороны, свое несогласие с революционной политикой центристы всегда прикрывают ссылками на "темп", на "форму" или на "тон". Эту центристскую игру в прятки с фактами и идеями вы можете проследить на всей истории революционного движения.

По вопросу об испанской революции - самому важному вопросу за последние годы - Четвертый Интернационал давал на каждом этапе марксистский анализ положения, критику политики рабочих организаций (особенно П.О.У.М.а) и прогноз. Сделал ли Пивер хоть одну попытку подвергнуть критике нашу оценку, противопоставить свой анализ - нашему? Никогда! Центристы никогда этого не делают. Они инстинктивно боятся научного анализа. Они живут общими впечатлениями и бесформенными поправками к чужим взглядам. Боясь связать себя, они играют в прятки с историческим процессом.

Я меньше всего склонен предъявлять к вашей партии чрезмерные требования: она лишь недавно откололась от социал-демократии, никакой другой школы она не знала. Но она оторвалась влево, в период глубокого кризиса, а это открывает перед нею серьезные возможности революционного развития. Из этого я исхожу: иначе у меня не было бы основания обращаться к Марсо Пиверу с письмом, на которое он, увы, ответил продолжением игры в прятки. Марсо Пивер не отдает себе отчета в действительном состоянии вашей партии. Он пишет, что в сентябре, во время международного кризиса, партия оказалась на высоте. Я от души желаю, чтоб эта оценка оказалась правильной. Но сегодня она мне кажется слишком поспешной. Войны еще не было. Массы не поставлены были перед совершившимся фактом. Страх перед войной господствовал в рабочем классе и среди мелкой буржуазии. Этим предвоенным тенденциям ваша партия давала выражение в абстрактных лозунгах интернационализма. Не забудьте, что в 1914 году германская социал-демократия и французская социалистическая партия держали себя очень "интернационально", очень "непримиримо" - до того момента, как прозвучал первый пушечный выстрел. "Vorwarts" так резко изменил 4 августа свою позицию, что Ленин спрашивал себя: не подделан ли этот номер немецким генеральным штабом? Разумеется, можно только приветствовать тот факт, что ваша партия в сентябре не дала увлечь себя на путь шовинизма. Но это пока только отрицательная заслуга. Утверждать же, что партия выдержала экзамен революционного интернационализма, значит удовлетворяться слишком малым, значит не предвидеть того бешеного напора, который последует, в случае войны, со стороны буржуазного общественного мнения, включая его социал-патриотическую и коммуно-шовинистическую агентуру. Чтоб подготовить партию к этому испытанию, нужно сейчас шлифовать и шлифовать ее сознание, закалять ее непримиримость, доводить все идеи до конца, не давать пощады вероломным друзьям. Первым делом надо порвать с франкмасонами (сплошь патриоты!) и пацифистами, типа Мэкстона, и повернуться лицом к Четвертому Интернационалу, - не для того, чтоб сейчас же становиться под его знамя, - этого никто не требует, - а для того, чтоб честно объясниться с ним относительно основных проблем пролетарской революции.

Именно в виду приближения войны вся мировая реакция и особенно ее сталинская агентура сводят все бедствия к "троцкизму" и против него направляют главные удары. Других бьют попутно, называя их опять-таки "троцкистами". Это не случайно. Политические группировки поляризуются. "Троцкизм" означает для реакции и ее агентов международную угрозу социалистической революции. В этих условиях центристы разных оттенков, напуганные возрастающим напором "демократически"-сталинской реакции, клянутся на каждом шагу: "мы - не троцкисты", "мы против Четвертого Интернационала", "мы не так плохи, как вы думаете". Это игра в прятки. Мой дорогой Герен: пора прекратить эту недостойную игру!

ЛИЧНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ИДЕЙНАЯ НЕПРИМИРИМОСТЬ

Пивер довольно высокомерно говорит, что ему и его друзьям, - очевидно, в отличие от нас, грешных, - чужды соображения персонального и фракционного характера. Не поразительны ли эти слова? Как можно ставить на одну доску соображения личного и принципиального ("фракционного") характера? Личные заботы и обиды играют слишком большую роль у мелкобуржуазных полуреволюционеров, и франкмасонов, у всех вообще напыщенных и мнительных, ибо неуверенных в себе центристов. Но соображения "фракционного" характера означают заботу о политической программе, о методе, о знамени. Как можно говорить, что идеологическая непримиримость "недостойна" нашей эпохи, когда наша эпоха больше, чем какая-либо иная, требует ясности, смелости и непримиримости?

Во франкмасонстве объединяются люди разных классов, разных партий, разных интересов и - с разными личными целями. Все искусство руководства франкмасонством состоит в том, чтобы нейтрализовать расходящиеся тенденции и сглаживать противоречие групп и клик (в интересах "демократии" и "человечности", т.-е. господствующего класса). Там привыкли говорить вслух обо всем, кроме самого главного. Эта фальшивая, лицемерная, низкопробная мораль прямо или косвенно пропитывает во Франции большинство официальных рабочих вождей. Влиянием этой морали проникнут и Марсо Пивер. Ему кажется, что вслух назвать неприятный факт значит сделать неприличие. Мы же считаем преступлением замалчивать факты, которые имеют значение для классовой борьбы пролетариата. В этом основная разница нашей морали.

Можете вы, Герен, ответить рабочим ясно и открыто: что именно связывает Пивера с масонством? Я скажу вам: то самое, что отталкивает его от Четвертого Интернационала, т.-е. сентиментальная мелкобуржуазная половинчатость, зависимость от официального общественного мнения. Если кто-нибудь заявляет мне, что он - материалист, а в то же время по воскресеньям посещает мессу, то я говорю, что его материализм фальшив. Пусть он бранится, что я нетерпим, бестактен, что я покушаюсь на его "личность" и пр. Это меня не трогает. Сочетать революционный социализм с франкмасонством также невысказано, как сочетать материализм с католицизмом. Революционер не может политически жить на два дома: в одном - с буржуазией (для души), в другом - с рабочими (для текущей политики). Двойственность несовместима с пролетарской революцией. Лишняя внутренняя стойкости, двойственность порождает чувствительность, обидчивость, умственную робость. Долой двойственность, Герен!

СЕКТАНТСТВО

Когда Марсо Пивер пишет о нашем "сектантстве" (мы не отрицаем наличия сектантских тенденций в наших рядах, и мы боремся с ними) и о нашей изолированности от масс, то он показывает опять-таки свое непонимание нынешней эпохи и своей собственной роли в ней. Да, мы пока еще изолированы от масс. Кем или чем? Организациями реформизма, сталинизма, патриотизма, пацифизма и всякого рода переходными центристскими

группировками, в которых выражается, - иногда в чрезвычайно преломленной и сложной форме, - рефлекс самообороны издыхающего капитализма. Марсо Пивер, мешая определенной группе рабочих додумать свои мысли до конца и тем изолируя этих рабочих от марксизма, укоряет нас в том, что мы изолированы от масс. Одним из изоляторов является центризм, активным элементом в этом изоляторе является Пивер. Наша задача и состоит в том, чтоб устранить эти "изоляторы": одних убедить и завоевать для дела революции, других - разоблачить и похоронить. Пивер же просто пугается факта изоляции революционеров для того, чтобы держаться близко к пацифистам, путанникам и франкмасонам, откладывая на будущее серьезные вопросы, ссылаясь на неправильный "темп" и дурной "тон", - словом препятствовать слиянию рабочего движения с революционным марксизмом.

Марсо Пивер не ценит наших кадров потому, что он не понял сути тех вопросов, которые стоят ныне в порядке дня. Ему кажется, что мы занимаемся расщеплением волоса на четыре части. Он глубоко ошибается. Как хирург должен различать каждую ткань, каждый нерв, чтобы правильно провести ланцетом, так и революционный политик должен тщательно и детально продумать все вопросы и сделать из них последние выводы. Марсо Пивер видит сектанство не там, где нужно.

Замечательно, что все действительные сектанты, вроде Снефлита, Верекена и пр., тяготеют к Лондонскому бюро, П.О.У.М.у, Марсо Пиверу. Разгадка проста: сектант есть оппортунист, который боится собственного оппортунизма. С другой стороны, размах колебаний центриста идет от сектанства к оппортунизму. Отсюда их взаимное тяготение. Сектант не может иметь за собой масс. Центрист может стать во главе их лишь на короткий момент перехода. Только революционный марксист способен проложить себе дорогу к массам.

ЧЕТВЕРТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вы повторяете старые фразы насчет того, что раньше нужно "убедить массы" в необходимости IV Интернационала, а потом уже надо провозглашать его. Это противопоставление совершенно не реально, не серьезно, не заключает в себе никакого содержания. Те революционеры, которые стоят за определенную программу и за определенное знамя, смыкаются в международном масштабе для борьбы за массы. Это мы и сделали. На опыты движения мы будем воспитывать массы. Вы же хотите "предварительно" воспитать их. Каким путем? Через союз с империалистским лакеем Мэкстоном или с центристским попом Фенер-Броквеем или с франкмасонскими друзьями? Вы серьезно думаете, что эта публика будет воспитывать массы для IV Интернационала? Я могу только горько посмеяться. Небезызвестный Яков Вальхер, вульгарный социал-демократ, долго наставлял Марсо Пивера насчет того, что для IV Интернационала - "не время", а теперь собирается переселиться во Второй Интернационал, где ему и место. Ссылки оппортунистов на массу, которая якобы не созрела, являются обычно только прикрытием собственной незрелости оппортунистов и центристов. Вся масса никогда не созреет при капитализме. Разные слои массы созревают в разные моменты. Борьба за "созревание" массы начинается с меньшинства, с "секты", с авангарда. Другого пути в истории нет и быть не может.

Не имея пока ни доктрины, ни революционной традиции, ни ясной программы, ни массы, вы не побоялись провозгласить новую партию. На каком основании? Очевидно, вы верите, что ваши идеи дают вам право на завоевание массы, не так ли? Почему же вы отказываетесь применять тот же критерий к Интернационалу? Только потому что вы не умеете подняться до интернациональной точки зрения. Национальная партия (хотя бы в виде инициативной организации) для вас - жизненная необходимость, а интернациональная партия - нечто вроде роскоши: с ней можно подождать. Это плохо, Герен, очень плохо!

ЗА ЧЕСТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Марсо Пивер предлагает вместо объединения организаций - "единый фронт". Это звучит торжественно, но содержания в этом мало. "Единый фронт" имеет смысл, когда дело идет о массовых организациях. Но ведь этого нет. При раздельном существовании организаций эпизодические соглашения в тех или других случаях, конечно, неизбежны. Но нас интересуют, ведь, не отдельные случаи, а вся политика. Центральная задача - работа внутри профессиональных союзов, проникновение в коммунистическую и в социалистическую партии. Эта задача не решается "единым фронтом", т.-е. дипломатической игрой двух слабых организаций. Нужна концентрация сил на определенной программе, чтобы объединенными силами проникнуть в массы. Иначе будут утеряны все "темпы". Времени остается очень, очень мало.

В отличие от Пивера, вы лично считаете, что объединение возможно и необходимо, но, прибавляете вы, при условии, чтоб это было лояльное, честное объединение. Что вы понимаете под этим? Отказ от критики? Взаимное отпущение грехов? Наша французская секция приходит с определенной программой и с определенными методами борьбы за свои взгляды. Она готова вместе с вами бороться за эти взгляды; она готова бороться в ваших рядах за свои идеи, - теми методами, которые обеспечивает всякая здоровая пролетарская организация. Это мы и считаем честным единством.

Что понимает под честным единством Пивер? "Не тронь моего франкмасонства, это мое личное дело". "Не тронь моей дружбы с Мэкстоном или с Фенер-Броквеем". Позвольте: масонство есть организация классового врага; Мэкстон - пацифистский лакей империализма. Как можно против них не бороться? Как можно не разъяснять членам партии, что политическая дружба с этими господами означает раскрытие ворот для измены? Между тем наша критика Мэкстона кажется Пиверу не лояльной, или "второстепенной". К чему лишние огорчения? Надо жить и жить давать другим. По вопросу о политической лояльности у нас оказываются разные, чтобы не сказать противоположные, критерии с Марсо Пивером. Это надо признать открыто.

Когда я писал Пиверу, я не делал себе больших иллюзий, но не отказывался и от надежды на сближение с ним. Ответ Пивера показал мне, что в его лице мы имеем дело с органическим центристом, который под влиянием революционных событий будет скорее передвигаться вправо, чем влево. Я был бы рад ошибиться. Но на данном этапе я не могу позволить себе оптимистического суждения.

Какой же вывод? спросите вы. Я не отождествляю Пивера с вашей молодой организацией. Объединение с ней мне кажется возможным. Техника объединения меня не занимает: это дело товарищей, которые работают на месте. Я стою за честное объединение, в том смысле, как сказано выше: ясно и открыто поставить перед всеми членами обеих организаций все вопросы революционной политики. Никто не имеет права клясться своей искренностью и жаловаться на придирчивость противника. Дело идет о судьбе пролетариата. Полагаться можно не на добрые чувства отдельных лиц, а на продуманную до конца политику партии. Если бы дело дошло до объединения, как я хочу надеяться, и если бы объединение открылось серьезной дискуссией, я просил бы рассматривать мое письмо, как вклад издали в эту дискуссию.

С искренним приветом.
Л. Троцкий.

10 марта 1939 г.

P. S. - Должен здесь, хотя бы вскользь, упомянуть, что самое имя вашей партии производит, с марксистской точки зрения, странное впечатление. Партия не может быть рабочей и крестьянской. Крестьянство есть, в социологическом смысле, мелкая буржуазия. Партия пролетариата и мелкой буржуазии есть мелкобуржуазная партия. Революционная социалистическая партия может быть только пролетарской. Она принимает в свой состав крестьян и вообще выходцев из других классов лишь постольку, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. В революционном правительстве мы можем, конечно, заключить блок с крестьянской организацией и создать рабоче-крестьянское правительство (при условии обеспеченного руководства за пролетариатом). Но партия не есть блок, партия не может быть рабочей и крестьянской. Название партии есть знамя. Ошибка в названии всегда чревата опасностями. В полном разрыве с марксизмом, Сталин проповедовал несколько лет тому назад "рабоче-крестьянские партии для стран Востока". Левая оппозиция жестоко восстала против этого оппортунизма. Мы не видим и теперь никакого основания нарушать классовую точку зрения, ни для стран Востока, ни для стран Запада.

Л. Т.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)
N 75-76.
